

Альфред Руббель

«ТИГРЫ» В СНЕГУ

Мемуары танкового аса

Москва
2016

УДК 821.112.2-94
ББК 84(4Гем)-44
Р82

В оформлении переплета использована
иллюстрация художника *В. Петелина*

Руббель, Альфред.
Р82 «Тигры» в снегу. Мемуары танкового аса : [перевод с немецкого] / Альфред Руббель. — Москва : Яуза-пресс, 2016. — 176 с. : ил. — (Война и мы. Танковая коллекция).

ISBN 978-5-9955-0844-1

Иллюстрированная летопись «Тигров» на Восточном фронте. Более 350 эксклюзивных фронтовых фотографий. Новое, дополненное и исправленное, издание бестселлера немецкого панцер-аса, на боевом счету которого 57 подбитых танков.

Альфред Руббель прошел войну «от звонка до звонка» — с 22 июня 1941 года до весны 45-го — в общей сложности 41 месяц на передовой. Ему довелось воевать и на Pz.IV ранних серий с короткой пушкой-«окурком», и на длинноствольном Pz.IV F2, и на «Тигре I», и на «Королевском Тигре». Он был ранен под Ленинградом, дрался под Волховом и на Кавказе, участвовал в битве за Харьков и операции «Цитадель», отступал к Днепру, прорывался из Черкасского «котла», но безнадежность войны осознал лишь в Венгрии, когда провалились последние попытки контрнаступлений Вермахта, а немецкая оборона окончательно рухнула под сокрушительными ударами Красной Армии...

Эта книга — уникальная возможность увидеть бойню Восточного фронта через прицел Pz.IV и из командирской башни грозного «Тигра».

УДК 821.112.2-94
ББК 84(4Гем)-44

ISBN 978-5-9955-0844-1

© ООО «Яуза-пресс», 2016

Содержание

Глава 1. Новобранец в пехоте	5
Глава 2. Обучение в танковых войсках в Керцлине и Шпроттау	11
Дополнение к главе 2	23
Глава 3. Кампания в России в 29-м танковом полку на Центральном фронте. . . .	35
Глава 4. Кампания в России на северном участке	45
Дополнение к главе 4	64
Глава 5. С 4-м танковым полком на Кавказе	66
Дополнение к главе 5	78
Глава 6. Переобучение на танк «Тигр» в Путлосе и Падерборне	79
Дополнение к главе 6	82
Глава 7. В 503-м тяжелом танковом батальоне группы армий «Юг»	89
Дополнение к главе 7	128
Глава 8. Обучение на офицера в Ордруфе и Крампнитце	131
Дополнение к главе 8. Обучение на офицера в вермахте	136
Глава 9. Обрато в 503-й тяжелый танковый батальон	144
Глава 10. Танковый бой у Миттерхофа	147
Глава 11. Конец войны в Чехословакии в мае 1945 года.	154
Дополнение к главе 11	156
Глава 12. Война закончилась — что теперь?	160
Дополнение к главе 12	167
Приложение	168

Глава 1

НОВОБРАНЕЦ В ПЕХОТЕ

*Округ I в Кенигсберге — 21-й учебный
пехотный полк — 14-я противотанковая рота*

Доброволец (декабрь 1939 г.)

1 сентября 1939 года, с вторжением в Польшу, началась Вторая мировая война. То, что будет война, для нас, населения Восточной Пруссии, не было тайной. Призыв молодых мужчин, размещение воинских подразделений в деревнях, мероприятия по затемнению, запрет на использование частных машин или даже их конфискация, целевые репортажи в прессе и на радио, экономические ограничения в торговле продуктами и товарами — все указывало на войну. Настроения у населения были различными. Более старые люди, пережившие Первую мировую войну, были в основном сдержанны. Мы, молодежь, неопытные и обработанные пропагандой, рассматривали войну, по крайней мере против Польши, как необходимость.

И так получилось, что мне как раз исполнилось 18 лет, и 3 сентября я записался в добровольцы. У меня было два мотива: если идет война, то я должен быть солдатом; если я буду добровольцем, то смогу выбирать род войск, то есть смогу стать танкистом. Моя цель — стать танкистом — также имела под собой два мотива: я интересовался техникой; танкисты носили специальную черную униформу и поэтому сильно отличались от серой пехоты.

Постепенно призвали моих старых товарищей из школы и Гитлерюгенда, призывы 1919 и 1920 годов рождения. Гитлерюгенд (я, как интересующийся техникой, был в Гитлерюгенде для связистов) выразительно распрощался с нами построением и вечерним шествием. Разговоры при этом были, в отличие от обычных, глубоко

и задумчивы. Мы, те, кто еще оставался, в последний раз в этой кампании провожали наших товарищей из городов нашей юности. Ничего больше никогда не будет таким, как было, Англия и Франция объявили Германии войну. Легкая война против Польши была выиграна, но начальная эйфория от этого уже прошла.

В ноябре 1939 года меня призвали. Мои родители были очень недовольны тем, что я был добровольцем. Мой отец был тяжело болен раком, он умер менее чем через год, но моя мать попыталась в военкомате оттянуть мой призыв, мотивируя это тем, что мне надо было работать в сельском хозяйстве. Это не удалось. Я сначала был очень рад, что попал в выбранный мной род войск. Но, как потом выяснилось, сокращение «Pz.» меня обмануло, 5 декабря 1939 года я приземлился в пехоте, в 14-й противотанковой роте 21-го учебного пехотного полка в Браунсберге! 21-й учебный пехотный полк был учебным полком 21-й пехотной дивизии, которая стояла в готовности в Эйфеле. Я чувствовал себя не очень хорошо, я в первый раз был далеко от родного дома и, кроме того, я попал в пехоту.

Был очень холодный, морозный зимний день без снега, когда мы, большая группа молодых людей, с 00.00 часов этого дня ставшая солдатами, высадились из поезда в Браунсберге. На перроне сразу стало очень громко. Два одетых в серое господина громко командовали — те, кого призвали в пехоту, должны были идти налево, а те, кого призвали в артиллерию, должны были идти направо. Я еще придерживался того

Альфред Рубель в черной танковой униформе с танковой защитной шапкой. Этот снимок был сделан в Тильзите в 1940 году. В учебных частях красивую черную танковую униформу в увольнение надевать не разрешали. Этот запрет солдаты обходили следующим образом: с собой в чемодане бралась черная танковая форма, в туалете на вокзале солдат переодевался, и чемодан с серой полевой формой оставался в камере хранения на вокзале до конца увольнения.

Расчет пушки готов к выстрелу.

мнения, что меня призвали в танковые войска и с пехотой и артиллерией я не имею ничего общего, поэтому я с моим чемоданом в одиночестве остался стоять посреди перрона, ожидая приглашения в танковые войска. Один из одетых в серое господ подошел ко мне и очень грубо спросил, чего я жду. Я сунул ему под нос мою повестку. Его лицо налилось кровью, и он заорал: «Вы еще не в пехоте!» В пехоте я оставался следующие шесть месяцев.

Три месяца обучения новобранцев дали нам тяжелую, но хорошую подготовку. За это время и потом тоже у меня были практически только хорошие и справедливые обучающие. Командиром роты был капитан фон Боддин, образцовый офицер, которого мы очень уважали. Старшина, как это и должно быть, держал в кулаке своих унтер-офицеров и роту. Нашего взводного я не помню, хорошо помню нашего командира отделения, унтер-офицера Эмиля Витта. Мы все его любили. Он был добрый и отзывчивый, и он это знал и поэтому прятал эти свои качества за напускной строгостью, но

его жизнерадостная натура все равно просвечивала.

Наше отделение, 10 человек, занимало кубрик в казарме, мы все были сразу после школы; когда мы собирались вместе, мы обсуждали, кто из нас в будущем может стать руководителем. В других отделениях было социальное расслоение, кроме того, разница в возрасте между 1918 и 1921 годами призыва давала о себе знать. Я был единственным ребенком в семье, первый раз был вне дома, и в первый раз в моей жизни я должен был найти свое место в коллективе. Думаю, что мне это удалось, я чувствовал себя хорошо. У нас были уважение друг к другу и толерантность, я не помню, чтобы у нас были какие-то драки или чтобы какая-то группа попыталась получить преимущество. Я думаю, что родительское воспитание и выращенное в Гитлерюгенде чувство общности были основами для хорошего совместного существования.

Во время обучения рекрутов из казарм практически не выпускали, и в этих маленьких город-

Фотография из ранних дней вермахта, учения с 3,7-сантиметровой противотанковой пушкой.

Фотография времен французской кампании, расчет 3,7-сантиметровой противотанковой пушки в бою.

Фотография школьных дней Альфреда Руббеля (он обозначен крестом). В первом ряду сидит учитель.

Учения с 3,7-сантиметровой противотанковой пушкой на жестоком морозе в январе 1940 года. Расчет из четырех человек тащил пушку на руках по глубокому снегу четыре километра от казармы до полигона.

ках глубокой восточнопрусской зимой для нас не было ничего привлекательного. То, что это был католический район, для нас, происходящих из Восточной Пруссии и Вестфалии, не имело значения, в отличие от того, что позже было в Падерборне. На Рождество нам разрешили пойти на службу в церковь, это был первый за три недели выход из казармы. Рота построилась, католики должны были выйти налево. Католиков оказалось немного, основная масса была протестантами. Католиков отпустили в церковь без присмотра,

а остальными занялся унтер-офицер. Мне удалось присоединиться к католикам. Мы пошли в торжественную и огромную церковь Св. Екатерины. Из церкви я, вместе с еще несколькими «новообратившимися в католичество», скоро ушел, и мы пошли гулять по зимнему городу. Иногда дверь какого-нибудь дома открывалась, и нас приглашали в гости. Это был первый день Рождества, 11 часов утра, но люди были уже навеселе. Нам ничего не оставалось, как присоединиться к употреблению алкоголя. Мне тогда

Фотография с маневров: выстрел из 3,7-сантиметровой противотанковой пушки. Эту противотанковую пушку также презрительно называли «военный прибор для постукивания». Ее можно было использовать для поддержки пехоты, но для противотанковой обороны она была абсолютно недостаточна, потому что ее пробивной способности против танков не хватало.

Март 1940 года в Браунсберге: уборка снега перед зданием казармы 14-й роты. Весна наступает очень медленно.

было восемнадцать с половиной лет, и с алкоголем, в отличие от современной молодежи, я обращаться еще не умел. Потом мы вспомнили, что отстоявшие службу уже возвращаются в казарму, и тоже пошли в казарму. По пути мы вывалились в снег. Дежурный по казарме был, разумеется, человеком без чувства юмора, он доложил начальству, что мы, предположительно, навредили имиджу вермахта. Ротное начальство рассматривало ситуацию точно так же, и нам назначили неделю дополнительной маршировки.

Нас угощали Штайнхегером, и этот сорт шнапса я до сих пор, 70 лет спустя, не могу ни пить, ни нюхать.

К моменту окончания обучения, в конце марта 1940 года, настоящей войны все еще нигде не было. Трудно поверить, но нам предложили курсы английского языка, тем, у кого уже были какие-то знания английского. Разумеется, мы все туда записались, потому что курсы были вне казармы и там были девушки.

На войну с Францией опоздал (июнь 1940 г.)

Наступление на французов и британцев с начала 1940 года было исключено из повестки дня. Началась «странная война». Западные противники наступление не начинали. Гитлера вынудили, это было нам ясно, принять решение. Для западной кампании готовили войска. Были созданы пехотные дивизии 12-й волны. В них должен был входить новый пехотный полк номер 286, который был сформирован из личного состава 1, 21 и 45-го восточнопрусских пехотных полков. Нас, в Браунсберге, включили в него почти полным составом нашей 14-й роты. Нас перевели в Кенигсберг, Троммельвег, в казармы знаменитого 1-го пехотного полка, полка «Собака», называемого так, потому что в полковом оркестре повозку с барабаном вез сенбернар. Но 3,7-сантиметровые противотанковые пушки и там, разумеется, возили на нас.

Прекрасные гражданские автомобили — «Мерседес», «Хорьх» и «Вандерер», которые до того, с целью экономии бензина, стояли в гараже, были оттуда выведены, и мы валялись на их, предназначенных для генеральных директоров, диванах.

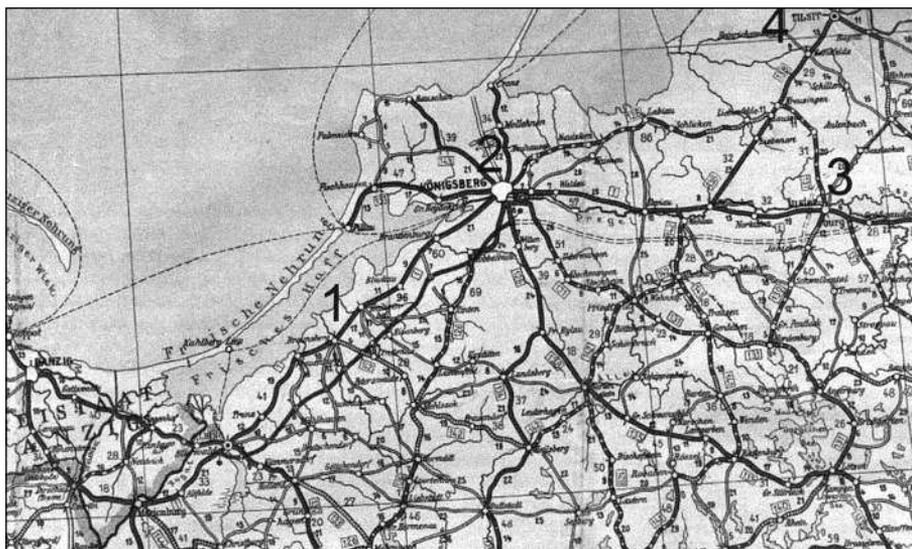
Походным маршем нас перевели на полигон Гросс Борн у Нойштеттина в Померании. 10 мая 1940 года началась западная кампания. 17 июня Франции пришлось сдаться. Мы в боях не участвовали. Я признаюсь, это многих из нас задело, потому что мы не прошли «испытание на фронте». В качестве замены не состоявшейся

для нас войны на полигоне с нас спустили семь потов. Я и сегодня считаю, что это было бессмысленно, но нас хотели закалить. Потом мы отправились обратно, на квартиры в Восточную Пруссию, в Бютов/Поммерн. Мы пробыли там приятные две недели, там были экскурсии, ротные вечеринки и контакты с населением, которое считало нас «победителями французов». Потом мы вернулись в Браунсберг. Наша рота была распущена, тем, у кого были на это основания, были предоставлены щедрые «отпуска на работу». Я, как крестьянский сын, разумеется, этот отпуск получил. Еще до отпуска нам разрешили подать заявления в танковые войска, которые во Франции доказали свое огромное значение и теперь должны были быть удвоены.

Тедди Берман, Вальтер Вегман и я подали заявления в «черные». Не прошло и двух недель моего отпуска, как я получил телеграмму: «Возвращайтесь. Состоялся перевод в танковые войска». Я не мог в это поверить.

На поезде мы поехали в 5-й танковый батальон в Нойруппин/Бранденбург. Расставание с Браунсбергом и моими товарищами прошло легко, я ехал в «мои» танковые войска, и со мной были мои друзья.

Танковым войскам я оставался верен 5 лет войны, 22 года в бундесвере и 12 лет в разработке танков после моей отставки. И до сегодняшнего дня я с ними связан.

Карта северной Восточной Пруссии показывает службу Альфреда Руббеля в гарнизонах Браунсберг (1), Кенигсберг (2), Инстербург (3) и Тильзит (4).

Глава 2

ОБУЧЕНИЕ В ТАНКОВЫХ ВОЙСКАХ В КЕРЦЛИНЕ И ШПРОТТАУ

*Округ III. Берлин-Бранденбург — 6-й танковый
учебный батальон — 5-я рота*

«Смена фронта» (июль 1940 г.). Керцлин, район Нойруппин (июль — ноябрь 1940 г.)

Мы, Хайнц Берман, Вальтер Вегман и я, сидели в скором поезде, едущем в Берлин, и обсуждали наше будущее. С нами ехали еще несколько товарищей из Браунсберга. Я ждал только хорошего. И я не был разочарован вплоть до нашего горького конца в 1945 году.

Мы прибыли в Нойруппин, базу 6-го танкового полка, и оставались там несколько дней. Потом казармы были переведены в другое место, и 5-я рота переехала «на природу», на частные квартиры, в деревни Вильдберг и Керцлин (между Нойруппином и Нойштадт/Доссе). Нас троих расквартировали у крестьянина Плауе в Керцлине. В этой деревне стояли два взвода (около 60 человек), командирами взводов были лейтенант Броско и фельдфебель Хорнунг. Командование роты и еще один взвод находились в Вильдберге, там же стояли наши учебные танки — старый добрый Pz. I, учебная ванна на базе Pz. I, Pz. II и Pz. 38t.

Хотя танковое обучение — стрельба и езда, занятия спортом — быстро шло вперед, другой стиль, принятый в танковых войсках, и то, что мы жили в деревне, а не в закрытой казарме, дали нам свободу, которой мы не знали в пе-

хоте. Общение руководителей с подчиненными также было основано на взаимном уважении. Однажды крестьяне, у которых мы жили, сочли, что фельдфебель Хорнунг, по их мнению, слишком жестко с нами обходится, и вечером в деревенском трактире началось восстание — Хорнунгу пришлось в дальнейшем быть более осторожным.

Были частые увольнения в Нойруппин и в конце недели отпуска в Берлин. Но наша мобильность была ограничена, потому что мы пользовались плохо работавшим общественным транспортом.

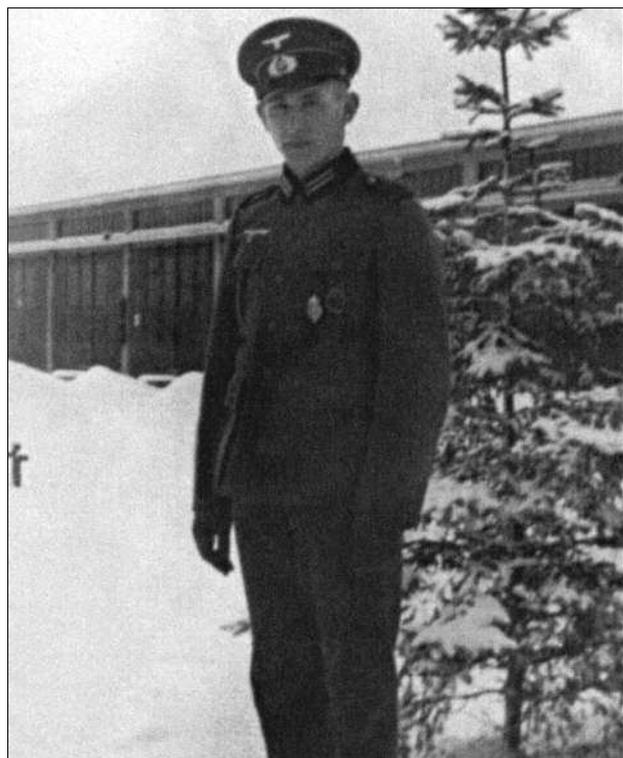
Мое продвижение по службе проходило чрезвычайно медленно. 1 июня 1940 года я стал старшим стрелком, 1 декабря 1940 года — ефрейтором. После окончания обучения на заряжающего и наводчика (из танковой пушки я при этом ни разу не выстрелил) нас перевели в новообразованный 29-й танковый полк в Заган, там находились штаб полка и 1-й батальон, 2-й батальон находился в Любене, 3-й — в Шпроттау.

Мы попали в 9-ю, среднюю, роту на танках Pz. IV 3-го батальона. Вегман, Берман и я остались вместе, жили мы тоже вместе.

Групповая фотография в казарме Браунсберга.

1. Эмиль Витт, командир корпуса унтер-офицеров.
2. Вальтер Вегман из Вестфалии, по прозвищу «Коршун».
3. Карл-Хайнц Кнольманн.
4. Неизвестный, он все время был голоден и спрашивал: «Хлеб у кого-нибудь есть?»
5. Неизвестный, молчун.
6. Хайнц Берман из Мемеля, по прозвищу «Тедди» [медвежонок], друг Альфреда, погиб в июне 1941-го под Минском.
7. Неизвестный.
8. Хельмут Старс из Тильзита.
9. Шмидт, имя неизвестно.
10. Альфред Руббель.
11. Хельмут Крёнке из Брауншвейга. Позже он перевелся в десантные войска и при прыжке с парашютом при десантировании на Крит покалечил себе позвоночник [поперечный миелит].

Стрелок Альфред Руббель в 14-й (противотанковой) роте 21-го резервного пехотного полка в феврале 1940-го. Кроме спортивного значка на нем руна Гитлерюгенда за достижения [HJ-Leitungsrune].

Стрелок Альфред Руббель, февраль 1940-го.

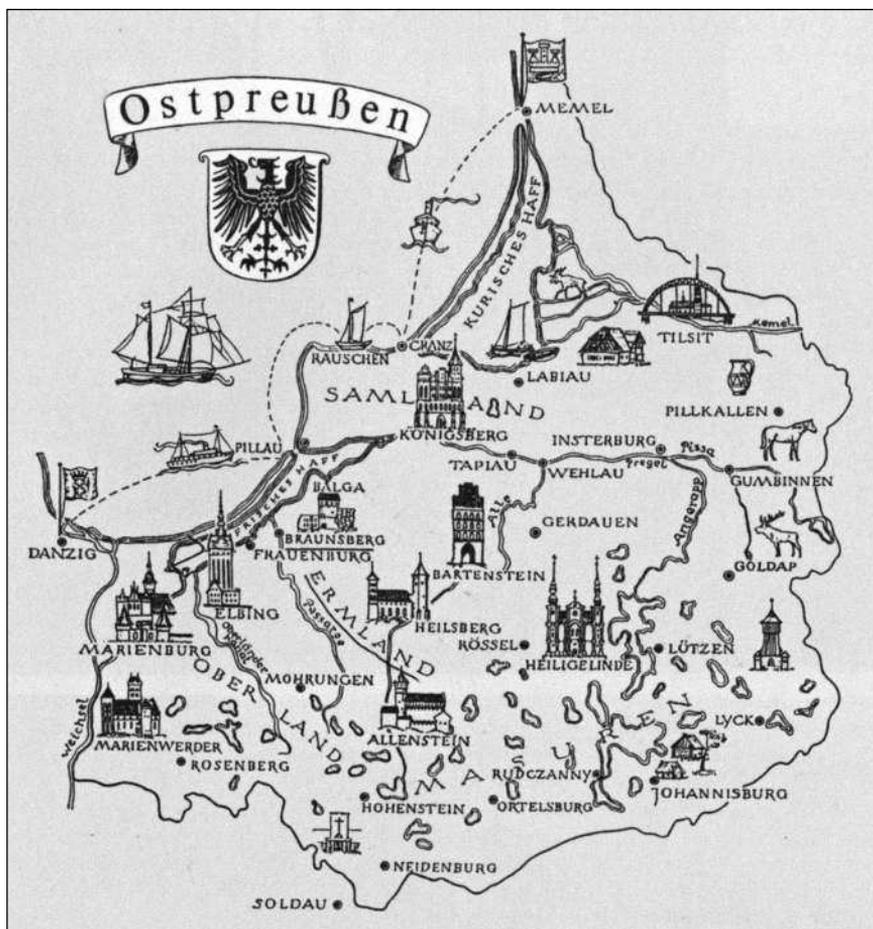
Карл-Хайнц Кнольманн, номер третий в списке сверху, 21 марта 1944 года заслуживший Рыцарский крест в качестве командира роты 45-го гренадерского полка.

Альфред Руббель в качестве караульного весной 1940 года.

Альфред Руббель в июне 1940 года удобно устроился на водительском сиденье 8-цилиндрового «Хорьха», который использовался в качестве транспортера для 3,7-сантиметровой противотанковой пушки. Ездить развлекаться в Штеттин на этом автомобиле с кожаными сиденьями, который называли «кабриолет генерального директора», было большим удовольствием.

Обзорная карта Восточной Пруссии. Эрmland был католическим анклавом в протестантской Восточной Пруссии.

14-я рота на отдыхе во время марша у Мариенбурга. Альфред Руббель на фотографии справа. На его погонах уже видны нашивки кандидата в унтер-офицеры. Рядом с ним сидит Эрих Дервеллис, честолюбивый человек, который происходил из простой семьи и позже, в армии ГДР [Die Nationale Volksarmee (NVA)], стал генерал-майором. Самый левый — командир полувзвода Гюнтер Шванитц, который в 21-й пехотной дивизии в сентябре 1944 года был награжден Немецким крестом в золоте, а в конце войны, будучи капитаном, он также был награжден Рыцарским крестом, но подтвердить это записями в архивах оказалось невозможным.

Альфред Руббель и его товарищ Шмидт заняли песочный замок на выгодном с оперативной точки зрения расстоянии от группы дам. Это было время, когда из-за войны танцы были временно запрещены. Поэтому изыскивались другие возможности для завязывания контактов с противоположным полом!

Экскурсия в воскресенье в конце мая 1940 года. По Приморской железной дороге из Браунсберга до Толкемита, а оттуда на пароходе по Калининградскому заливу [Frisches Haff] в Кальберг. Слева направо: Альфред Руббель, Карл-Хайнц Кнольманн и Хельмут Крёнке.

Большой и современный центр подготовки католических священников в Браунсберге.

В 29-м ТАНКОВОМ ПОЛКУ В ШПРОТТАУ/СИЛЕЗИЯ

*Округ VIII, Бреслау — 29-й танковый полк —
3-й батальон — 9-я (средняя) рота*

В районе боевых действий на родине

Мы опять сидели в вагоне поезда с нашими персональными вещами. Командование вермахта исходило из того, что все свои личные и служебные вещи солдат должен переносить на себе. В пехоте для этого был ранец, который называли «обезьяна», потому что его клапан был из меха. Солдаты моторизованных частей имели две матерчатые сумки размером с большую папку для

бумаг, с петлями для переноски. То, что туда не помещалось, носили на себе, например шинель в летнюю жару. Если у солдата были какие-то личные вещи, их надо было посылать по почте или поездом.

Мы ехали через Берлин, Люббен, Коттбус, Форст, Сорау, Заган в Шпроттау, маленький город в Нижней Силезии, стоявший в месте слия-